

УДК 327:332.146/332.02

И. Н. Тарасов

ЭКСКЛАВНОСТЬ КАК ВЫЗОВ И РЕСУРС МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

77

Эксклавное положение Калининградской области является фундаментальным геополитическим фактором ее социально-экономического и социокультурного развития. С точки зрения международного позиционирования региона эксклавность – одновременно и вызов, и ресурс. Руководствуясь принципами факторного анализа и используя метод главных компонент, автор выдвигает несколько тезисов относительно возможностей и ограничений эксклавности в решении проблем международного позиционирования региона. Экономическая зависимость Калининградской области от вектора политики федерального правительства внутри и вне страны делает регион «хрупким» с точки зрения формирования и продвижения его социокультурного образа. В статье на примере трендов развития обрабатывающей промышленности региона показана жесткая зависимость от внешнеэкономических решений федеральных властей. Повышенная потенциальная конфликтогенность вокруг российского эксклава на Балтике замедляет конвергенцию региональных интересов в социально-экономической сфере с интересами стран-соседей. Компенсатором такого положения должна выступать интенсификация связей с другими регионами Российской Федерации. На практике такая интенсификация носит ограниченный характер, сопряженный с извлечением выгод сотрудничества в кратко- и среднесрочной перспективе. Если проблемы геополитической безопасности Калининградской области гарантированы военным превосходством российского государства над силами вероятного противника на Балтике, то в вопросах социальной и экономической безопасности сопоставимых гарантий не существует. Здесь, как ни парадоксально, открываются возможности возрастания когерентности узких, суверенно периферийных интересов российского эксклава и регионов стран-соседей, прежде всего Литвы и Польши.

The exclusive position of the Kaliningrad region is a fundamental geopolitical factor in its socio-economic and socio-cultural development. Given the region's foreign positioning, exclavity is both a challenge and a resource. Guided by the principles of factor analysis, through the method of principal components, the author puts forward several theses regarding the possibilities and limitations of exclavity in overcoming foreign positioning of the region. The economic dependence of the Kaliningrad region on the federal government policies inside and outside the country makes the region "fragile" in terms of promoting its sociocultural image. The article shows the tough dependence on the foreign economic decisions of the federal authorities using the development

trends of the manufacturing industry in the region as an example. The increased potential conflict around the Russian exclave in the Baltic slows down the convergence of regional interests in the socio-economic sphere with the interests of neighboring countries. Intensified relations with other regions of the Russian Federation could make up for the situation. In practice, such intensification is limited in nature, and results in some cooperation benefits in the short and medium term. While the Kaliningrad region is secured geopolitically by the military superiority of the Russian state over a potential adversary in the Baltic, there are no comparable social and economic guarantees. Here, paradoxically, the situation can open up opportunities for increasing the coherence of the narrow, purely peripheral interests of the Russian exclave and the regions of neighboring countries, primarily Lithuania and Poland.

Ключевые слова: Калининградская область, эксклав, международное позиционирование.

Keywords: Kaliningrad region, exclave, foreign positioning.

Калининградская область — российский эксклав на Балтике, что во многом обуславливает специфику его социально-политического и социально-экономического развития. Географический детерминизм в определении основных направлений развития региона составляет органичную часть восприятия эксклавного пространства соседями России. Однако следует указать, что ныне не существует устойчивой социальной оценки Балтийского региона как общего пространства. Расширение Европейского союза в 1995 г. и в 2004 г. создало новую ситуацию для российских регионов северо-западного побережья. «Общая ситуация в регионе Балтийского моря в очередной раз заметно изменилась, поскольку страны Балтии и Польша подали свои заявки на членство в ЕС, в то время как отношения с Россией по-прежнему носили более классический межправительственный характер. Тем не менее ЕС начал поддерживать сотрудничество с Севером России» [17, р. 30].

Различия в ориентации направлений сотрудничества с приграничными территориями России обнаружили даже на уровне стратегических подходов. Например, «подход Инициативы Северного Измерения выражал финскую ориентированность на северо-запад России и должен рассматриваться как в общем контексте, так и в контрасте ориентации Швеции и Дании на весь регион Балтийского моря, а также с акцентом Норвегии на арктические воды» [16, р. 681]. Соседи России по Балтике уже в ходе расширения ЕС пытались инициировать адаптивные варианты взаимодействия. «Ввиду предстоящего расширения ЕС был разработан второй План действий по Северному измерению на период 2004–2006 гг. В значительной степени охватывая те же проблемные области, но более структурированным и стратегически ориентированным на проект образом также представил две сквозные темы: Арктический регион и Калининградская область Российской Федерации как регионы с особыми потребности развития в большинстве проблемных сфер» [18, р. 56].

Калининградская область на протяжении всего периода интеграции стран Балтийского региона в евроатлантические структуры находилась в центре внимания. В это же время сложилось общее понимание невозможности глубокой интеграции российского эксклава в общеевропейский социально-политический контекст. Встала задача «определить тот баланс интересов, который позволит в максимальной степени вовлечь область в социально-экономические и иные процессы в Балтийском регионе, что важно для преодоления или минимизации негативных последствий эксклавности, без риска ослабления ее социально-экономических, политических и культурных связей с основной частью Российской Федерации» [4, с. 44].

И.М. Бусыгина и Е.Б. Лебедева выделяют три группы факторов, влияющих на характер международной деятельности регионов: 1) особенности географического положения региона; 2) уровень социально-экономического развития региона; 3) специфика политического режима [3, с. 17].

По большому счету, именно географический детерминизм обуславливает поиск оптимальных моделей международного позиционирования Калининградской области. Направленность этого позиционирования вполне понятна, его адресатом, в первую очередь, выступают страны Балтийского региона, который был и остается регионом сотрудничества, конкуренции и конфронтации одновременно. «В целях создания эффективной системы государственного управления процессами регионального развития, динамично развивающейся, конкурентоспособной и сбалансированной региональной экономики, условий для повышения уровня и качества жизни населения приграничное сотрудничество на уровне муниципалитетов, где нет "большой" политики, представляется наиболее перспективным механизмом стратегического наращивания и реализации геополитического потенциала Калининградской области» [7, с. 102]. С точки зрения такого подхода «речь может идти только о реализации сравнительно небольших проектов, прежде всего в сферах транспортной инфраструктуры (погранпереходы), охраны окружающей среды и гуманитарной сфере» [8, с. 119].

Непосредственно к «чистой географии» примыкают геополитические факторы. В качестве основных Ю.М. Зверев выделяет три:

1) геополитическое положение России в мире и характер ее отношений с ведущими мировыми акторами (для Калининградской области особое значение имеют отношения РФ с ЕС, НАТО и США);

2) геополитическое положение России в Балтийском регионе и характер ее отношений со странами этого макрорегиона (прежде всего с государствами, непосредственно граничащими с эксклавным регионом, — Польшей и Литвой, а также с Республикой Беларусь, Латвией и Эстонией);

3) геополитическое положение Калининградской области как субъекта РФ в Балтийском регионе и характер ее отношений с регионами соседних (отделяющих) государств, а также прочих стран макрорегиона [4, с. 39].

Г. М. Федоров к числу геополитических факторов относит приморское положение Калининградской области, которое открывает ей возможности доступа к основной части территории страны, минуя отдельные государства, а также приграничность, которая создает возможность трансграничной кооперации с регионами соседних стран и формирования новых форм международной экономической кооперации и интеграции (НФМЭКИ) с их участием [15]. С этой точки зрения эксклавно́сть — не столько ущербность или уязвимость геополитического положения, сколько невостребованный до поры ресурс развития.

Отсюда проистекает сложный выбор стратегии международного позиционирования. На первоначальном этапе эксклавно́сти сталкивались две линии, которые условно можно связать с именами Ю. С. Маточкина (в 1991—1996 гг. — глава администрации Калининградской области) и С. М. Шахрая (в 1991—1996 гг. — заместитель председателя Правительства РФ). До определенной степени условности «линия Маточкина» заключалась в позиционировании области как региона сотрудничества, открытости и партнерства со странами-соседями по Балтике, «линия Шахрая» — в восприятии региона как форпоста России, в первую очередь военного, на западе. Эти две линии, вначале конкурируя между собой, затем доказали, что для позиционирования Калининградской области нет, да и не может быть раз и навсегда установленной догмы. Ю. М. Зверев справедливо указывает, что применительно к Калининградской области можно говорить о своего рода «калининградских качелях», текущее положение которых прямо определяется состоянием отношений России с геополитическим Западом (прежде всего с США, ЕС и НАТО) и вытекающей из этого геополитической ситуацией в Балтийском регионе. При более или менее равных и прагматичных отношениях трансграничное сотрудничество Калининградской области находится в верхней точке и она может выступать в роли «региона сотрудничества» России и ЕС или «коридора развития» между остальными регионами России и регионами стран — членов ЕС. При ухудшении отношений и превалировании военно-политических соображений над экономическими поднимается «вверх» другая доска условных качелей, связанная с повышением роли Калининградской области как самодостаточного форпоста (прежде всего военного) России на Балтике, а все, что связано с сотрудничеством с соседями, оказывается на «нижней точке» [4, с. 42—43].

Опора исключительно на примат геополитических факторов не может стать достаточной для выработки эффективной концепции международного позиционирования российского эксклава.

Наряду с внешними факторами международного позиционирования региона важнейшее значение имеют внутренние факторы развития Калининградской области. Главной компонентой здесь выступают социально-экономические кондиции.

Соглашаясь с мнением Р. Р. Ахунова и А. В. Янгирова о разделении процессов внешнеэкономической деятельности на центральные, кото-

рые обеспечивают наибольшие по объему потоки товаров и услуг из региона во внешнюю среду, а также потоки инвестиций, поступающих извне в регион, и вспомогательные, обеспечивающие центральные, подчеркнем, что для международного позиционирования часто именно вспомогательные процессы оказываются эффективным средством. К ним могут быть отнесены «международные и межрегиональные коммуникации с внешними рынками и сообществами; информационное обеспечение региона во внешней среде; формирование конкурентоспособных, экспортоориентированных ареалов; образовательная, культурная деятельность, ориентированная на внешние коммуникации; событийная деятельность; выставочная деятельность; прочие виды позиционирования региона» [2, с. 24].

Подчеркнем, что на развитие Калининградской области большое влияние оказывает ее экономико-географическое положение (приграничное, приморское и эксклавное), а также относительно близкое соседство по отношению как к развитым российским регионам (в том числе к Московской и Санкт-Петербургской агломерациям), так и к регионам стран ЕС [14, с. 13]. Спецификой экономики Калининградской области является функционирование особых режимов хозяйственной деятельности.

Свободные экономические зоны – часть территории государства, открытая (как составляющая хозяйственного комплекса страны) для оперирования специальными регулятивными механизмами. «Янтарь» (Калининградская область, Россия), Виргинские острова (Великобритания) и др. [1, с. 25]. «Структурные сдвиги в экономике промышленно развитых стран носят системный характер и представляют собой часть глобального макросдвига, который предопределяет переход от индустриального общества к постиндустриальному.

Изменение отраслевой структуры осуществляется по следующим основным направлениям:

- 1) принципиальное изменение технологий производства;
- 2) доминирование обрабатывающей отрасли по сравнению с добывающей;
- 3) развитие наукоемких отраслей национальной экономики;
- 4) смещение центра тяжести в сторону непроемких отраслей» [12, с. 30].

Теоретически верный замысел привел к несколько иному эффекту в Калининградской области. «Режим сначала свободной, затем особой экономической зоны (СЭЗ/ОЭЗ), который первоначально вводился для ускорения социально-экономического развития Калининградской области и повышения жизненного уровня ее населения, в дальнейшем де-факто превратился в механизм смягчения негативных последствий эксклавноности региона» [4, с. 38].

Со временем стало очевидно, что внешнеэкономические ресурсы сами по себе, их существование и потенциал без должного позиционирования региона, его экономических и институциональных возможностей не приводят к необходимым эффектам развития.

Более того, в связи с консолидацией традиционализма в России и приходом к власти в ключевых странах Европы консервативных сил можно с высокой степенью уверенности прогнозировать снижение уровня и эффективности контактов в политической сфере. Вместе с тем возможна интенсификация сотрудничества в смежных областях, таких как координация действий правоохранительных органов, упрощение визового режима, увеличение товарооборота и обмена инвестициями [11, с. 29].

Отсюда следует вполне закономерный вывод о необходимости более полного использования внутренних ресурсов развития, природного и человеческого капитала, способности к производству инноваций. «Удобство географического положения области благоприятно для возникновения постоянно действующей площадки взаимодействия российских и зарубежных ученых, предпринимателей, политиков» [14, с. 13–14].

Калининградская область входит в число 25 субъектов федерации, в которых за последние три года создавались рабочие места. Число новых рабочих мест (2017–2019) выросло на 3,9 %¹, а уровень безработицы снизился в 2018–2019 гг. на 0,6 %² и составляет 4,1 %. В общероссийском рейтинге по качеству жизни Калининградская область занимает 9-е место (2019)³. При этом средняя зарплата в малых и средних городах составляет 31 600 руб., что на 14 % меньше, чем в целом по региону⁴. Приведенные данные о положении на рынке труда свидетельствуют о слабых темпах социально-экономического развития российского эксклава. Объективно существует потребность в поиске новых стратегических решений в этой сфере. В то же время очевидна узость возможностей даже для тактического маневра, который позволил бы преодолеть инерционные тенденции замедления развития региона в среднесрочной перспективе.

Брендинг региона в мировом инвестиционном пространстве — задача комплексной программы повышения инвестиционной привлекательности Калининградской области. «Понятие "имидж территории" можно трактовать как целенаправленно формируемый образ той или иной территории, обладающий определенными ценностными характеристиками и призванный оказывать воздействие на потребителей с целью обеспечения конкурентоспособности территории и привлечения в нее дополнительных ресурсов» [5, с. 30]. Российский эксклав не претен-

¹ Рейтинг регионов по числу созданных рабочих мест — 2020. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200414/630165163.html> (дата обращения: 19.10.2020).

² Рейтинг регионов РФ по уровню безработицы — 2020. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200317/630157723.html> (дата обращения: 19.10.2020).

³ Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2019. URL: <https://ria.ru/20200217/1564483827.html> (дата обращения: 19.10.2020).

⁴ Рейтинг регионов по уровню зарплат в малых и средних населенных пунктах. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200331/630160719.html> (дата обращения: 19.10.2020).

дует на какую-либо особую политическую идентичность, если под такой понимать совокупность представлений об интересах политических акторов, которая служит маркером политической субъектности и легитимирует ее [10, с. 452]. Вместе с тем простая пространственная идентификация как «совокупность различных качеств и характеристик, способных выделить территорию среди множества других» [13, с. 141] является для Калининградской области насущной необходимостью.

Значительную роль в продвижении имиджа региона играет региональная политическая элита. Объективными факторами ее вовлечения в процесс международного позиционирования являются: 1) глобализация экономических процессов; 2) высокие темпы экономического развития регионов; 3) особенности федеративной модели государства [9, с. 387], что характерно для положения Калининградской области. «Региональные правящие группы выступают инициаторами развития политических институтов. Активизируя международную деятельность региона, правящие элиты становятся субъектом международных отношений и повышают свой политический статус. Принципиально важно, что для региональных элитных групп участие в международной деятельности не только обеспечивает социально-экономическое развитие региона, но и становится их политическим ресурсом в диалоге с центральной властью» [9, с. 386–387].

Эксклавность Калининградской области предоставляет региональной политической элите уникальную возможность сохранить основные формы международного сотрудничества, осуществлять информационное и стратегическое позиционирование, что, в свою очередь, имеет огромное значение для развития региона и повышения его символической капитализации [6] в изменяющихся, часто неблагоприятных условиях. Повышенная потенциальная конфликтогенность вокруг российского эксклава на Балтике замедляет конвергенцию региональных интересов в социально-экономической сфере с интересами стран-соседей. Компенсатором такого положения должна выступать интенсификация связей с другими регионами Российской Федерации. На практике эта интенсификация носит ограниченный характер, сопряженный с извлечением выгод сотрудничества в кратко- и среднесрочной перспективе. Если проблемы геополитической безопасности Калининградской области гарантированы военным превосходством российского государства над силами вероятного противника на Балтике, то в вопросах социальной и экономической безопасности сопоставимых гарантий не существует. Здесь, как ни парадоксально, открываются возможности возрастания когерентности узких, сугубо периферийных интересов российского эксклава и регионов стран-соседей, прежде всего Литвы и Польши.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области в рамках научного проекта № 19-411-390003 «Международное позиционирование Калининградской области в продвижении политических и экономических интересов России в Балтийском регионе».

Список литературы

1. Андреева Е.Л., Воронкова О.Н., Глухих П.Л. и др. Позиционирование региона в системе новых форматов международной экономической интеграции. Екатеринбург, 2016.
2. Ахунов Р.Р., Янгиров А.В. Направления позиционирования региона в межрегиональном и международном пространстве (на примере Республики Башкортостан) // Евразийский Союз: Вопросы международных отношений. 2016. №3 (17). С. 21–29.
3. Бусыгина И. М., Лебедева Е. Б. Субъекты федерации в международном сотрудничестве // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2008. №3. С. 1–31.
4. Зверев Ю.М. Геополитические факторы развития Калининградской области // Проблемы регионального развития в начале XXI века / под ред. Г.М. Федорова, Л.А. Жиндарева, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. Калининград, 2019. С. 37–47.
5. Логунцова И.В. Имидж российских территорий как объект управления // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (Государство и общество). 2011. №1. С. 29–38.
6. Мартынов В.С. Дискурс будущего уральских мегаполисов: к стратегии глобального города // Дискурс-Пи. 2013. №1-2. С. 15–22.
7. Межевич Н.М., Тарасов И.Н. Геополитический потенциал развития российского региона-эксклава: поиск ключевой стратегии и механизмов ее реализации в новых условиях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. №1. С. 95–103.
8. Моделирование региональной системы долгосрочной устойчивости Калининградской области : монография / под ред. К.Ю. Волощенко, К.К. Гимбицкого, А.Л. Кузнецовой, Г.М. Федорова. Калининград, 2015.
9. Наронская А.Г. Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта федерации (опыт Свердловской области) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Т. 11, №3. С. 384–400.
10. Семенченко И. С. Концепт идентичности в изучении политики // Современная политическая наука. Методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019. С. 446–463.
11. Тарасов И.Н. Конструирование новой «восточной политики» Европейского Союза // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (журнал политической философии и социологии политики). 2008. №2. С. 18–30.
12. Трофимова Н.В., Таймасов А.Р. Анализ структурных факторов развития российских регионов // *Экономика и управление : науч.-практ. журнал*. 2017. №4 (138). С. 30–33.
13. Тутаришева Ф. С. Стратегические приоритеты конкурентного преимущества региона на основе ее позиционирования в экономическом пространстве // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. 2018. №15 (39). С. 140–143.
14. Федоров Г.М. Калининградская область: периферийный эксклав или приморский коридор развития? // Проблемы регионального развития в начале XXI века / под ред. Г.М. Федорова, Л.А. Жиндарева, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. Калининград, 2019. С. 5–16.
15. Федоров Г.М. Калининградская область: приграничное приморское положение как географический фактор развития экономики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2018. №4. С. 5–17.

16. *Arter D.* Small State Influence Within the EU: The Case of Finland's «Northern Dimension Initiative» // *Journal of Common Market Studies*. 2000. №38(5). P. 677–697.

17. *Heininen L.* Ideas and Outcomes: Finding a Concrete Form of the Northern Dimension Initiative // *The Northern Dimension: Fuel for the EU?* / H. Ojanen (ed.). Helsinki ; Berlin, 2001. P. 20–53.

18. *Schönweitz M.* Cross-border Cooperation of Urban Regions in the Baltic Sea Area : dissertation (Dr. Phil.). Berlin, 2013.

Об авторе

Илья Николаевич Тарасов – д-р полит. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru

85

The author

Prof. Ilya N. Tarasov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru